

Жук и Девочка

Я мог бы считать себя самым счастливым псом на свете, если бы меня не разорвали волки. Вернее, я и был самым счастливым псом, потому что, когда на наш заметный снегом двор пришла из леса голодная стая, жить-то мне, по правде говоря, не хотелось, да и незачем было, и я сам выбрал свою кончину, быструю и героическую. Во всяком случае, именно так оценила мой поступок одна маленькая Девочка, которой бабушка не сразу, но все-таки сообщила в письме, что нет больше ее любимой игрушки – Жука. Мол, рвался на улицу полночи, а там волки выли. «Я и не отмыкала дверь, стращала бедолагу всяко и даже вичкой грозила, как тебе, когда ты маленькой шалила, а потом на дворе стихло, а он все не унимался, вот я и выпустила, – писала бабушка, утирая слезу. – Ругай меня, не ругай, а нет теперь твоего дружка, остался от него только хвостик. Ребятишки нашли за околицей и по белой кисточке опознали. Я его

захоронила в хлеву, под яслями, потому что земля ноне сильно мерзлая, да и снега много намело».

Я не ошибся, выбрав свой путь, потому что умирать вовсе не страшно, и даже весело, тем более, что волки, должно быть, испугались моего истощенного лая, и мне пришлось, – сам бы никогда не поверил! – за ними гнаться. Зато теперь не надо скрести дверь и скулить, чтобы впустили в дом, или, наоборот, выпустили, не надо ждать, когда тебя подсадят на печку. Гуляю, где хочу, и когда хочу и, что удивительно – есть не хочется. Первый раз я понял это, когда пробегал, а вернее – пролетал, мимо полки, на которой рядками стояли горшки с молоком, из которых моя маленькая, но умная хозяйка любила отпить по глоточку с самого вкусного верхнего слоя. Если бабушка и замечала это, то никогда не ругалась, а что ругаться? – урону никакого, потому что молоко все равно выставляют для того, чтобы его испортить – превратить в противную, трясущуюся простоквашу, на которую кошка, и то не каждая, позарится. А верхний слой, когда он прокисал, соскабливали, чтобы сделать из него масло – единственный ценный продукт, который можно обменять на бумажки, за которые в лавке дают разные вкусности – например, семечки и колбасу.

Вообще-то в лавке и так прокормиться можно. Моя хозяйка учила меня всяким хитростям, вроде прыганья через обруч и стояния на задних лапах. Поначалу эти забавы казались мне бессмысленными, но я соглашался выполнять трюки из уважения

к моей щедрой Девочке, не жалевшей для меня, ни заморских орехов в качестве награды, ни конфет в фантиках, которые посылал ей в больших деревянных ящиках ее отец – строгий человек, пахнущий кожей, табаком и дальней дорогой. Я сам тоже не промах, и скоро понял, что из новых навыков можно извлечь немалую выгоду. Придя как-то с хозяйкой в магазин, я заметил, что все вокруг очень умиляются, когда я становлюсь на задние лапки, прижав передние к груди. Продавщицы начинают хохотать, тыкать в мою сторону пальцами, хмурая очередь перестает разглядывать витрину и поворачивается ко мне, дивясь моим умениям, и в ней всегда найдется кто-то, кто купит на мою долю пирог или даже сосиску.

Правда, если не лениться, в лавке и мышей наловить можно. Они прямо меж ног шныряют, если под прилавок прошмыгнуть, но это занятие для кошек. Я за мышками гонюсь только из интереса, а не для прокорма. Я больше мясные косточки и молоко люблю, то есть любил. Бабуля, подоив корову, всегда плескала мне в миску белопенной вкуснятины, приговаривая: – «Пей, баловень, не все тебе конфетки у Верушки кланчить. Ими сыт не будешь. А так, глядишь, и польза от тебя выйдет. Может ласка поостережется буренку нашу ночами доить, если ты ее охранять будешь».

Поклеп на ласок и хорьков местные бабушки возводили, когда у их кормилиц пропадало молоко. Я и раньше-то не верил, что лесной зверь променяет волю на душные коровьи хоромы, чтобы налакаться

там молока. Однако хорьков исправно гонял, хотя в хлеву их и не выдывал. Они больше к курятнику примерялись. Но сейчас-то я точно знаю, что коровы теряют молоко со страху. И боятся они вовсе не шустрых ласок и хитрых хорьков, а гостей во-все бестелесных и неопасных, вроде меня, каким я стал после смерти.

С тех пор, как сердобольная бабушка захоронила под яслями мой хвостик, меня стало неудержимо тянуть на сеновал, что размещается над хлевом, и как-то раз бабушкины теплые руки подхватили меня с охапкой сена и любовно разместили в яслях. Я то ничего кроме блаженства и покоя не испытывал и даже лизнул Зорьку в ее влажный упругий нос, но наша степенная красавица, которую раньше невозможно было вывести из себя ни лаем, ни хворостиной, к сену не притронулась, более того, всю ночь вздрагивала и даже стонала во сне. А на утро недодала бабушке молока. Я сделал правильные выводы и больше в хлеву не ночевал. Да и зачем мне хлев, когда я по-прежнему могу растянуться на печке, где мы любили играть с моей Девочкой или валяться на сеновале, разглядывая сквозь слуховое окно ночное небо, куда меня тоже тянет, и что самое прекрасное, – я точно знаю, что могу туда полететь, более того, скоро обязательно полечу.

А еще меня радует, что я теперь не просто угадываю, как это было раньше, желания и мысли людей и прочих зверей, но даже читать умею, иначе, откуда бы я понял, о чем писала, плача, бабушка. Она очень горевала, но не столько о том, что меня

не стало, сколько о том, что известие о моей гибели огорчит ее любимицу. А еще старая боялась, что наша Девочка, а она такая же справедливая, как я, и почти такая же упрямая, обвинит ее в недосмотре, ведь, уезжая, та строго наказала бабушке беречь меня пуще какой-то драгоценной зеницы, что помещается в глазу.

Да только взрослые ничего не понимают ни в собаках, ни в детях. Для нас ведь главное – честность и доверие. И мы способны быть справедливыми даже по отношению к тем, кто не в силах оправдать нашего доверия. А бабуся, сама тоскуя от одиночества, подкладывала мне лучшие кусочки, гладила по голове и разговаривала со мной по душам, так что мне ее упрекнуть не в чем. И уж, конечно, она ни за что не выпустила бы меня на растерзание волкам. И не потому, что считала себя в ответе за меня, а прежде всего из-за своей природной доброты и здравомыслия. И то правда, куда мелкорослой дворняжке, – я своих физических данных никогда не переоценивал, – с детства приученной к рукам и теплой лежанке, покрытой мягким стеганым одеялом, одному – против стаи волков. Я усыпил ее бдительность тем, что выждал момент, когда волки затихли, и стал вертеться у двери, поскуливая, – мол, мне невтерпех. Вот она и приоткрыла лаз.

Я шел на верную гибель, шел сознательно и добровольно. Моя жизнь лишилась смысла в тот момент, когда строгий человек, перепоясанный портупьями, решил восстановить семью, – так они

почему-то называли переезд моей Девочки и ее мамы в город. Девочка плакала и кричала, что я тоже член семьи, как и бабушка, и она не поедет в город без нас. Но тот, пахнувший кожей, заявил, что собак в поезд не пускают, а бабушка приедет позже, пристроив Жука в хорошие руки. Бабушка на все кивала головой, утирая глаза кончиком косынки, а при этих словах тихо молвила, что на ее руки тоже пока можно положиться, и собаку она как-нибудь прокормит, а свой век будет доживать там, где родилась.

Вот и я дожил свой век там, где родился. А новый век буду начинать там, откуда смогу добежать до мощеного двора со старыми акациями, в кудрявой тени которых сфотографировалась наша ненаглядная Девочка. Между прочим, она так и написала на обороте: «Любимым бабушке и Жуку, чтобы знали, где я живу. Ваша Вера».

А если возвращусь человеком, так и на поезде доеду.

Воря и Хороший Человек

Когда я выпал из гнезда, я еще не знал, что я Воря, а вся моя родня – вороны. Я тогда вообще мало что знал, вернее, мало что понимал, потому что знание – это одно, а понимание – совсем другое, и оно много важнее знания. Но, оказавшись на Земле, лучше сочетать знание с пониманием, потому что, когда что-то знаешь, не понимая, то ведешь себя, как дурак, да, по сути, им и являешься, а если ты понимаешь то, чего не понимают другие, тебя запросто могут забросать камнями, а если поймают, будут издеваться, а то и убьют. При этом им все равно, ворона ты или человек.

Все мое безмятежное детство я пребывал между небом и землей, а если точнее, то на березе, наслаждаясь солнцем, ветром и теплым боком моего брата, с которым мы делили одно гнездо. Я знал от рождения, что это самое безопасное место в мире, а самый надежный и верный друг – главная хозяйка нашего гнезда, которая кормит нас и оберегает от

всяких опасностей. Но только от людей я узнал, что нашу кормилицу зовут Мамашей, а другую ворону, которая опекала нас в отсутствие Мамаши, Теткой или Отцом.

Мамашин клюв мог не только накормить и предупредить тревожным сигналом об опасности. Он был ловок и отчаянно смел. В один миг он превращался в грозное оружие, чтобы сразить крадущегося по ветке зверя с зелеными горящими глазами и лохматым хвостом. Как весело было смотреть с березы, как незваный гость летит вниз, вращая хвостом, ударенный метким клювом в самое темечко. Я, кстати, не знал тогда, что зверя зовут Кошка, и это отнюдь не самое страшное существо на земле. Собаки и мальчишки куда страшнее.

Мы с братом поначалу ничего не боялись и в любой птице видели друга, залетевшего нас покормить. А вот Мамашин клюв каждому знал цену! Одного удара о ветку и решительного «Каррр!» хватило, чтобы красивая птица, похожая на нас, но в более нарядном, бело-черном оперении, перестала прикидываться нашей подружкой и улетела, шумно ругаясь, недовольная, что ее замысел – втереться нам в доверие, а потом выгнать из гнезда, – провалился.

Но, к сожалению, даже самый мощный клюв не может спасти от обезумевшего ветра, ломающего ветви и даже целые громадные деревья. И тогда надежда одна – встретить на Земле Хорошего Человека. Хорошие человеки среди людей – большая редкость, и если ты выпал из гнезда и не умеешь

летать, участь твоя незавидна. Тебя могут поймать и посадить в клетку, чтобы показывать людям, которые будут тыкать в тебя пальцами и смеяться. А то и судьбу заставят угадывать. А этого делать нельзя, потому что, заглядывая в чужую судьбу, ты лишаешься своей. Люди, конечно, этого не знают, потому что очень далеки от Неба, вот и лезут не в свои дела, да и других в них тянут, воображая, что они на Земле главные.

С первого взгляда человек, безусловно, ничего кроме ужаса не вызывает, особенно когда хватает тебя своими голыми крыльями, увенчанными вместо когтей опасными, хищными пальцами. Но, оказывается, можно привыкнуть и к этому чудовищу, будто специально наряженному пугалом, чтобы все его боялись. Только пожив среди людей, я понял, что разное тряпье они напяливают на себя вовсе не для того, чтобы вызывать страх, а потому что им холодно и, наверное, стыдно перед теми, кто имеет красивое оперение или теплую шубу. Люди, должно быть, долго болели и растеряли свои перья и пух. Теперь, несчастные, мерзнут и стесняются своей наготы. Однако симпатией и сочувствием к людям я проникся только, познакомившись с Хорошим Человеком, который стал моим Спасителем.

Каждой птице от рождения дано знать, что человека следует опасаться, и знание это подкрепляла Мамаша, грозно каркая и стуча клювом в ветку, когда мимо нашей березы пробегали шумной толпой человеческие детеныши, оповещая о своем прибытии бессмысленными воплями.

Мальчишки вообще самые вредные существа на свете. Желая показать всем, какие они смелые и сильные, они показывают – какие глупые и опасные. Ведь им на земле ничто не угрожает, еды у них столько, что они ею бросаются, нещадно толкают друг друга, хотя места всем хватает, и очень веселятся, когда кто-то падает в грязь.

И это притом, что взрослые люди очень озабочены чистотой и постоянно моют с мылом свою незащищенную кожу. Для этого в домах людей есть специальная комната, где они включают горячий душ. В этой комнате мне довелось пожить, но там так душно, что я свалился в большую белую чашу, в которой люди устраивают себе глубокую лужу и плещутся в ней. Кроме того, я поклевал чуть-чуть вкусного на запах и вид мыла, после чего всю эту белую чашу обкакал, и меня посадили в клетку и выставили на балкон. Я надеялся, что увижу оттуда свою березу и гнездо, но балкон висел над шумной и страшной улицей, над которой даже птицы не летали.

Мамаша, однако, нашла меня. Вначале присела на соседний балкон, а потом, смущенно крикнув, будто она и не ворона вовсе, а утка, переместилась поближе ко мне. Посидела, повертела головой, и улетела. Я отчаянно хлопал крыльями, пытаюсь улететь за ней, но летать-то я как раз я и не умел, поэтому и оказался в клетке, которая к тому же была слишком маленькой, потому что раньше принадлежала попугайчикам, которые издохли. Издохнешь тут, когда в доме духота, под балконом

завывают и гремят машины, а корм, который приносят люди, несъедобный.

Я уж думал, Мамаша никогда больше не прилетит, и решил умирать, потому что еда людей мне совсем не нравилась, а мыло оказалось сущей отравой. Однако она явилась с аппетитной гусеницей в клюве. Ей было страшновато, но боялась она, как я заметил, не громыхающей под нами улицы, а самого дома, то есть тех, кто в нем жил. Перемещаясь маленькими шажками по перилам к моей клетке, она посматривала больше не на меня, а на дверь, за которой жил мой Спаситель. Они уже были знакомы, но Мамаша привыкла не доверять людям. Ну, и что с того, что мой Спаситель оказался Хорошим Человеком, и не отдал меня мальчишкам на поругание, или собакам на прокорм. Держал-то он меня впроголодь, потому что белая еда, которую они называют творогом, совсем невкусная, а серую, тягучую, под названием каша, я есть просто не умел.

Мамаша долго мостилась на перилах, чтобы отдать мне гусеницу, а я, пытаясь ей помочь, все испортил, потому что когда я просунул голову между прутьев и замахал крылами, клетка перевернулась и упала.

На шум прибежал Спаситель.

Мамаша и след простыл, но мой Спаситель, поднимая клетку, к счастью, заметил гусеницу, которую выронила Мамаша. Будучи умным человеком, он не выбросил ее, а осторожно взял двумя пальцами и, протягивая мне, сказал:

– Ну, где ж я тебе гусениц наберу? А рассчитывать на то, что Мамаша выкормит тебя в столь экстремальных условиях, не приходится. Она у тебя и так героиня. Людям бы поучиться. Вера! – крикнул он в открытую балконную дверь. – Надо проконсультироваться у орнитолога, как правильно содержать птенцов. А то мы не поставим его на крыло.

– Спрошу на биофаке, – раздалось из комнаты.
– Там есть один любитель птиц.

Спаситель посмотрел на небо, в котором явственно погромыхивало, предвещая грозу, и сказал, со вздохом:

– Пошли в дом, бедолага. А то опять превратишься в мокрую курицу.

Бедолага – это не имя, просто так говорят, когда кого-то жалеют. И с курицей он меня сравнил не для того, чтобы посмеяться. Просто в ту грозу, когда я чуть не пропал, не было на свете ни одной курицы, которая выглядела бы хуже меня, и была бы такой же несчастной.

Тот день начался с такого же погромыхивания в небе, а потом все слилось в один оглушительный ком страха, шума, ветра и дождя. Когда начался дождь, мы с братом сидели, прижавшись друг к другу и вцепившись когтями в гибкие прутья, казавшиеся нам надежной опорой. Мрак сгущался, ветер крепчал, струи дождя становились колючими и злыми, а Мамаша с едой, или хотя бы без нее, все не было.

Береза под нами стонала и скрипела, предчувствуя беду, ведь ей предстояло потерять не только меня, но и своего отца-покровителя, но я об этом

тогда не знал, хотя понимал, что между дедом, что часто сиживал на лавочке под березой, и самой березой, есть какая-то связь.

Небо, черное, как крыло Мамаша, неожиданно разорвал яркий неземной свет и, приветствуя, как мне показалось, Солнце, я взмахнул крылами, что и было непоправимой ошибкой. Яростный порыв ветра подхватил меня и выкинул из гнезда, про-свистев, что негоже путать Молнию с Солнцем. Это совсем разные боги.

Ехидный ветер полетел дальше, высматривая, кого бы еще наказать, а я рухнул вниз, тщетно пытаюсь зацепиться когтями за ветви берез, порывшие выбить мне глаза. Упал я на куст, густой и упругий, пахучими цветами которого я не раз любовался сверху. Кое-как примостившись на ветке, что гнулась и моталась под порывами ветра, я с замиранием сердца стал ждать Мамашу, уверенный, что она поможет и спасет.

Ожидания оправдались. Еще и дождь не утих, как она появилась. Накормив брата, Мамаша сделала несколько обзорных кругов над нашим гнездом и закричала так тревожно и призывно, что тут же на березу спикировала Тетка, которая, как полагает Спаситель, была Отцом, а потом и другие вороны из нашей стаи. Моя шумная семья быстро обнаружила мой ненадежный приют, и у меня полегчало на сердце. Каждый по очереди пролетал мимо меня, иные даже присаживались на ветки куста, показывая, что я должен оттолкнуться от своей шаткой опоры и взлететь.

Хитрее всех оказалась Тетка, которая прилетела с толстым червяком в клюве и, смело присев на человеческий насест, который называется скамейкой, стала дразнить меня, что сама съест добычу, если я не подлечу к ней. Но я, увы, не мог взлететь. Крылья намокли и едва помогали мне удержаться на кусте, а когти свело судорогой страха. Тетка не стала мучить меня и, изловчившись, прямо на лету кинула червяка в мой открытый рот. Попыталась покормить меня и Мамаша, но я при ее приближении так засуетился, что чуть не свалился с куста, а еда упала на землю.

Я не знаю, долго ли это продолжалось – тогда мне казалось, что целую вечность, а теперь – один страшный миг. Ситуация в корне изменилась, когда появилось Солнце. Никогда в жизни не летая, я почему-то был уверен, – стоит высушить перья, и я непременно взлечу. Солнца я ждал, как спасения. Но вышло наоборот. Вместе с Солнцем появилась реальная угроза жизни – во двор высыпала ватага ребят, тех, что любили подраться и покричать.

Мои сородичи, однако, не стали дожидаться трагической развязки и все, как один, грозно каркая, принялись пикировать на ошалевших от неожиданности мальчишек. Те кинулись врассыпную, а вороны разлетелись по соседним березам, глаз не сводя с ребят, которые, оправившись от страха, сбились в кучку и принялись совещаться.

Я сидел, оцепенев от страха, притихла и моя родня, затаившись на березах. Только Мамаша с Теткой, которая, возможно, была Отцом, переме-

стились поближе ко мне, устроившись на толстом проводе, что тянулся от столба к дому, как раз у меня над головой. Мальчишки убежали на помойку – их излюбленное место, и у меня отлегло от сердца. Думал, высохну сейчас и взлечу. Да не тут-то было!

Ребята вернулись, вооруженные палками и коробками, и принялись что-то искать в траве. Я поначалу даже не понял, что ищут они меня. И только шумная воронья реакция подсказала, что угроза вернулась.

Главарь ребячьей стаи крикнул: – Ищите под сиренью, он явно там спрятался, иначе бы они тут не кружили, – и двинулся в мою сторону.

Я отчаянно взмахнул крылами, пытаюсь взлететь, но этим только привлек к себе внимание.

– Вот он! Вот он! – завопило сразу несколько голосов, а главарь вскочил на скамейку. Страшным плотоядным цветком ко мне тянулись щупальца его рук. Крылья у людей называются руками, потому что они не летают, зато ловко хватают все, что попадает на глаза. А рука и хватать – это одно и то же, это я знаю наверняка.

Что тут началось! Я отродясь не слышал такого гвалта, какой устроили мои родичи. Тетка грозно стучала клювом о ветку, так что с березы сыпались щепки, а Мамаша ринулась вниз, прямо на голову моего обидчика. Он вопил и махал руками, а Мамаша била его клювом, совсем, как ту Кошку, что хотела нас с братом съесть. Вопль мальчишек перекрыл все звуки мира, включая и те, что изда-

вало мое встревоженное семейство. На крик прибежала стая псов и стала облаивать всех подряд – и мальчишек, и мою самоотверженную Мамашу, и, конечно, меня. Вороны сделали вид, что улетают, и снялись с березы. Мамаша, оставив окровавленного врага, присела неподалеку, на козырьке дома.

Тут я понял всю опасность ситуации. Неужто меня оставили один на один с двумя стаями врагов? Однако ситуация менялась быстрее, чем я успевал ее осознать. Казалось, забыв про меня, мальчишки сгрудились вокруг раненого, наперебой давая советы, как остановить кровь. А собаки, попавшись на уловку, принялись гоняться за воронами, что летали у них над головами. Особенно старалась Тетка. Я даже испугался за нее, когда она проковыляла мимо меня, прихрамывая и волоча крыло. Обманулись и собаки. Они кидались на нее, а она шустро отпрыгивала в сторону и снова прикидывалась больной, уводя их подальше от моего куста.

Мамаша молча наблюдала за происходящим с козырька, затенявшего вход в дом, изредка свешивая голову и поглядывая на дверь, словно, предчувствовала, что оттуда выйдет Спаситель.

И он появился. Вернее, их было двое – мужчина и женщина. Я часто видел их раньше. Они были очень разные и очень похожие, как бывают похожими звери из одной стаи. Мужчина – высокий и молчаливый, женщина ниже его, зато болтлива и подвижна, но они могли бы обойтись и без слов, потому что понимали друг друга с одного взгляда, как это бывает лишь у зверей.

Мальчишки кинулись им навстречу:

– На помощь, на помощь! Петьку бешеная ворона поклевала. Его надо в больницу, чтобы ему сорок уколов сделали. А еще швы наложить надо, тогда у него над бровью шрам будет, как у Шарапова.

– Ну-ка, Петруша, покажи, что там у тебя, – пробасил мужчина, осматривая рану. – С воронами сражался? Да... боюсь, Шарапова из тебя не выйдет. У того враги были покруче? Не иначе, как гнездо хотел разорить?

– Как его разоришь, когда оно на самой верхотуре, – буркнул Петька, а друзья дружно поддержали его: – не разоряли мы ничего, вороненок сам из гнезда выпал. Он там, в сирени прячется.

Ребята кинулись к кусту и принялись трясти ветки, пытаясь добраться до меня. Сирень обдала их дождем но им было все нипочем. Я съежился в комок, закрыв от ужаса глаза.

– Марш оттуда! – раздался командный голос, и он подействовал на ребят не хуже Мамашиного клюва. Когда я открыл глаза, мальчишки смиренно топтались под березой, недовольные и нахохленные. Мамаша тем временем перелетела с козырька на провод, оказавшись прямо над мальчишками. Угрожающе каркнув, она принялась долбить клювом свой насест, показывая, что она сделает с каждым, кто причинит мне вред. К ней спикировала с березы Тетка, и от провода просто клочья полетели. Тут, кстати, я и узнал имена моей родни, потому что мой Спаситель сказал, оборачиваясь к своей спутнице:

– Ты посмотри, какая смелая у него Мамаша, – и, задрав голову, добавил: – Мамаша, поаккуратней с проводом, может и током шибануть.

Заодно я узнал, что толстую черную веревку зовут Провод и его нельзя бить, потому что он может сам ударить, а мою кормилицу – Мамаша. Дальше с именами пошла путаница.

– Да и Тетка не из робкого десятка, – ответила женщина.

– Это как сказать, – усмехнулся мужчина. – При ближайшем рассмотрении Тетка может оказаться Отцом.

– Отцы, как правило, во время умывают руки, – улыбнулась женщина.

– А жаль. Некоторым отцовского ремня явно не хватает, – сказал мужчина, глядя на мальчишек. – Вера, отведи Петра домой, обработай рану, а я тут осмотрюсь, куда Желторотого пристроить.

Он внимательно осмотрел цветущее абрикосовое дерево, стоящее рядом, даже потряс его, но осмотр явно не удовлетворил его.

– Здесь его точно кошки достанут, – пробормотал он, – или мальчишки замучают.

Чтобы доказать, что я не Желторотый, я попытался взлететь, ведь клюв у меня не желтый, как у птенца, а черный, как у настоящих взрослых ворон, но ветка подо мной подломилась, и я упал головой вниз.

Мальчишки кинулись ко мне, позабыв про запрет. Их взлохмаченные головы нависли надо мной, а жадные пальцы тянулись со всех сторон,

словно толстые червяки. Вся моя воронья стая бесновалась над кустом, но что они могли сделать, когда мальчишки подставили им свои задницы в прочных, как вторая кожа, штанах. Взяв одного из моих обидчиков за ремень, Спаситель приподнял его, прикрикнув на других:

– Вы что, совсем дебилы? Инвалидами стать охота?! Ворона спокойно может выбить глаз.

До глаза было далеко, и я цапнул клювом наглый палец, но он оказался твердым и не вкусным. Все отскочили от меня, а хозяин пальца завопил, как резанный: – И этот тоже бешеный, у них вся стая бешеная. Их надо всех перестрелять!

– Куда полезней было бы выпороть вас, – возразил Спаситель, а Вера, осмотрев палец, сказала строго: – Так, небольшое покраснение, если хочешь, идем с нами, смажу йодом. И добавила более мягко: – Птицы не больные. Это защитная реакция.

– Защитная реакция? – недоверчиво повторил укушенный. – А эти чего беснуются, им-то ничто не угрожает.

– А ты подумай, как повел бы себя твой папа, если бы тебя попробовали украсть? – спросила Вера.

– Да он бы всем бошки поотрывал! – гордо молвил мой обидчик, пряча палец за спину. – Но я все-таки не ворона! И не надо меня ничем мазать. Петьку вон лечите, а то он окривеет на один глаз и станет, как Кутузов!

– Ха-ха-ха! – Загоготали остальные.

– Только не йодом! – отступил в сторону Петька.

– У меня уже все присохло. И вообще мама гово-

рит, что на мне заживает, как на собаке. Лучше мне вороненка отдайте за ущерб. Я его на цепку посажу и на Арбате прохожих фотографировать буду, за деньги.

– Вы, конечно, не вороны, но и до Кутузова вам далековато, – усмехнулся мой Спаситель. – Вера, обработай ранку зеленкой, если наш герой так боится боли.

Мальчишка поплелся к дому, недовольно бормоча: – Он все равно не жилец, его собаки разорвут, или кошки.

– А еще его можно человеческой речи обучить, – предложил самый маленький, когда дверь за раненым главарем захлопнулась.

– Ты что, он же не попугай, – дал ему подзатыльника тот, которого я так удачно клюнул. – Проще научить карты из колоды вытаскивать. Гадание – это верные деньги. На карты все ведутся. Тем более, если ворона карту вытащила, ври хоть с три короба!

Мальчишки заискивающе заглядывали в лицо моего Спасителя, понимая, что сила на его стороне, а значит – решать ему. Было видно, что каждый мечтает заполучить меня в полную собственность.

Понимала это и моя стая.

Над березой повисла напряженная тишина.

– Вынужден вас разочаровать, господа предприниматели, – веско молвил мужчина. – Вороненок не средство для наживы. Его надо вернуть в естественную среду. Хотя, как это сделать, ума не приложу. Больно уж у него родня воинственная.